

Иккинг потерял сознание и в камеру вошли двое берсерков, они сняли с Икка цепи и взяв под лопатки потащили из камеры в неизвестном направлении. Затем берсы вытащили трупы из камер и потащили прочь, осталось лишь трое стражников, они вывели Фриз и закрыв дверь, отправили её в следующую камеру в другом конце коридора.

Астрид прибывала в полном шоке, что не удивительно, сначала встреча с тем, кто должен быть мёртв, затем смерть близкого друга, затем нахлынувшие воспоминания, и в конце эта бойня, иначе не назвать. Слишком много было событий для одного дня, а вернее вечера, хотя день тоже не задался, впрочем, как и неделя, месяц, да и последние 11 лет жизни.

POV Астрид.

Я с трудом подняла взгляд и увидела, что у, моих соплеменников, где-то похожее состояние. Хотя для меня всё было куда хуже, чем для остальных – для меня это было личным. Живой Иккинг сильно раскопошил раны на душе. Живой. Он был живой и был так близко, что можно было бы коснуться, но он снова исчез.

Почему несмотря на то, что он убил Эрета и чуть не убил меня, я не чувствую к нему ненависти. От чего так сильно бьётся сердце? От ненависти – нет, от страха – навряд ли, она слишком многое видела в своей жизни, слишком много пережила, тогда от чего?

Неужели от любви? От этого чувства забытого ею после его смерти. С того дня, как он умер, нет, как она его убила, не было никого к кому я испытывала хоть малейшую симпатию, даже к Эрету, хотя он явно мне симпатизировал. Впрочем – это не важно, в моей жизни был лишь один человек, которого я любила – это он первый драконий всадник, изгой деревни, а теперь её гордость – Иккинг Кровожадный Карасик III Хэдлок, сумевший приручить порождение молнии и самой смерти. Любила. Почему это слово кажется таким неправильным.

Мои чувства к нему становились чётче и сильнее год от года. Я поняла, что пусть он мёртв, мёртв по моей вине, я могу и буду хранить верность лишь ему. Это стало так ясно, когда после того, как мои родители заключили договор с Йоргенсонами, о моей с Сморкалой свадьбе, я долго упиралась, сопротивлялась, но всё было тщетно, и тогда я уступила, чтобы вдавить в грязь этого напыщенного индюка. Я помню, как на алтаре меня спросили – согласна ли я выйти за Сморкалу, я должна была ответить «да», но я ответила «нет» и высказала всё, что думаю о нём и его семье, тем самым опозорив Сморкалу. Я нарушила многовековую традицию, пошла против слова родителей, но после долгого разговора с родными я утвердила своё право полностью самостоятельной девушки, но вскоре я ушла из деревни, я больше не могла смотреть в глаза тем, кто убивает драконов и обсуждают меня за спиной. Единственные, кто со мной общались были драконы, с которыми я таки нашла общий язык (хоть и не сразу), Громгильда (моя любимица, она злобный змеевик, хотя не такой уж и злобный, она как я, такая же сильная, упрямая и несчастливая в личной жизни, надеюсь, что с ней всё в порядке), Готи (она стала меня обучать лекарству), Роберт и близнецы. Мои чувства к Хэддоку были непоколебимы, я была ему верна и душой, и телом. Я надеюсь, что, когда пробьёт мой час, боги дадут мне шанс встретиться с Иккингом, и надеюсь, что он сможет меня простить и принять.

Каждую ночь мне снились сны, где мы были вместе, там был и Бертлок и моя Громгильда, они были вместе, рядом с ними этикие помеси фурии и змеевика, чёрные, шипастые, похожие больше на отца, они резвились в стороне, а я всегда была с Иккингом, в его тёплых объятьях. Сны всегда были разные, то я лижу с животиком, а Икк прислушивается к той жизни, что внутри и говорит мне слова любви, то прошу у него прощения, а он шепчет мне слова

успокоения, то мы снова парим в небе. Но эти сны всегда ломались, и снова я оказывалась в том овраге, и снова со стороны видела, как я бью Берглока, как мучают Иккинга, и самая ужасная часть, как я пронзаю его сердце кинжалом и слышу его последние слова: Я ведь говорил... Нравится причинять мне боль.

От этих мыслей я снова заплакала, уткнувшись в колени. Если он жив, и мы в одной тюрьме, даже больше – в одной камере, то может боги дают мне шанс. Я не могу его упустить, и не упущу. Я попытаюсь всё наладить.

POV Автор.

Астрид была погружена в свои мысли, она сидела на полу, подогнув ноги под себя, и тихо плакала, однако соплеменники не могли не заметить её состояние, и Забияка приблизилась к решётке, просунула руку и стала поглаживать подругу по волосам. Тишина затягивалась и с каждым мгновением нагнетала обстановку больше и больше. Однако это не могло быть вечным, и тишину вдруг разрезал жуткий крик, переполненный болью. Крик смолк, но через минуту повторился вновь и вновь, а затем ему на смену пришёл смех, сначала грубый и злорадный, а за ним другой, но уже надменный, бесстрашный, он высмеивал своих мучителей, их методы, но вскоре вновь сменился криком. Так продолжалось почти час, а потом всё стихло. Всё это время Астрид держала уши закрытыми, она просто не могла слушать эти крики, особенно, зная, кому они принадлежат.

В камеру справа вошла Фриз, закончившая с ранами всех остальных. Она подметила, что мужчины не были слишком ранены, а вот молодой парень с слегка бледной кожей, явно нуждался в лечении и был чем-то обеспокоен. На нём не было верхней одежды, и Фриз могла спокойно обработать несколько тонких полосок и один ожог. Парень явно был высоким и, как подметила Фриз, довольно симпатичным. Она так на него засмотрелась, что чуть не прослушала вопрос, адресованный ей с его стороны.

- Как тебя зовут? – он посмотрел на неё своими серыми глазами, в которых был слабый огонёк надежды и чего-то ещё, но чего Фриз так и не рассмотрела.

- Фриз – она спохватившись ответила на вопрос – Я должна обработать твою рану. – сказала она и получив кивок принялась за дело.

Зак чувствовал тепло исходившее от пальцев девушки, её нежную кожу и такую заботу, что она казалась ему непривычна. Девушка перед ним была очень красивой, не смотря на худость и грязные волосы, но вот её глаза, они были отрешённые и так и говорили «хочу умереть». Она выглядела очень уставшей, а судя по взглядам, которые бросали на неё стражники, она была здесь рабыней. Заку вдруг стало её жаль, так захотелось прижать к себе и шептать, что всё в порядке. Он не хотел отгонять эти мысли и улыбнулся, а она, заметив его взгляд на себе, посмотрела ему в лицо, и встретилась с его улыбкой, она не удержалась и улыбнулась в ответ. Зак почувствовав на себе взгляды Стоика и Плеваки, понял, чего они хотят спросить, но сами боятся.

- Скажи Фриз. А кто этот человек в камере слева? И почему он там был один?

- Это мастер Шторм. Он величайший ассасин во всей Норвегии, а ещё он первый приручитель дракона и ещё мой друг. Вот он кто.

- Эй ты! – слышалось от стражника – Давай быстрее!

Фриз лишь молча поднялась и выходя услышала:

- Спасибо Фриз. - она ничего не ответила и ушла в сопровождении стражника.

- Я чувствую, что это Иккинг - внезапно подал голос Стоик.

Этот некогда гордый и великий воин, сейчас был сломан, он лишился жены и сына, то что он сделал не давало ему покоя, а вскоре после смерти ИККИНГА, через 2 года, он провёл испытание на пост вождя, и победителем вышел Зак, он и стал вождём и именно он показал и доказал, что драконы всё-таки добрые существа. Спустя год после «Великого перемирия людей и драконов» на главной площади Олуха была установлена статуя в честь первого драконьего всадника и его дракона, ставших мучениками за этот мир. Зак был новатором, как и Иккинг, он старался облегчить жизнь своему народу, но вместе с тем понимал, что будь здесь Иккинг, то мир был бы совершенно другим. Порой во снах он грезил, как вместе с Иккингом он объединяет острова, и Норвегия становится единой страной, а викинги единым с драконами народом. Это был бы мир достойный Асгарда.

- Быть может, боги дают нам шанс - проговорил старый ворчун Плевака.

- Быть может.

<http://tl.rulate.ru/book/10569/203130>